

Елена Заремба

Китти. Следуй за сердцем

Юная Китти с детства верила, что однажды за ней придет прекрасный принц на белом коне. Именно поэтому она безоглядно влюбляется в красавчика Стивена Роттена. Но Стивен внезапно исчезает, а после Китти узнает, что он женился на другой. Чтобы залечить раны, девушка решает переехать из родного Брюсселя в Брюгге. Здесь она начинает новую жизнь, находит работу. Но неожиданно в ее мир врывается молодой доктор Каспер. Девушка избегает его, убеждая себя в том, что он ей безразличен. А в тот момент, когда осознает, что влюблена, Каспер исчезает... Следуя своему сердцу, девушка отправляется в путешествие.

— Китти, ты не знаешь, как я к тебе отношусь?
— Ну, не то чтобы... — Я начала юлить и мямлить. Мне было ужасно неловко за то, что я в нем вообще сомневалась. Особенно меня это угнетало после вразумляющей беседы с Лилла.
— Я тебя люблю, — спокойно сказал Каспер, придерживая меня за плечи и глядя прямо в глаза. — Так понятнее?

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-4319-4

9 786171 243194

Елена Заремба

Китти
Следуй за сердцем

Елена Заремба

КІТТИ
Следуй за серцем

РОМАН

ХАРЬКОВ КЛУБ
2018 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.161.1
ББК 84(4Укр=Рос)
3-34

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Дизайнер обложки Анна Демидова

ISBN 978-617-12-4319-4

- © Е. Заремба, 2017
- © DepositPhotos.com / vlad_star, обложка, 2017
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2018
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2018

Часть I

Брюгге, начало

Вы никогда не думали о том, как здорово было бы жить в маленьком бельгийском городке с аккуратными узкими улочками, пропитанными запахом вафель? Сейчас расскажу.

Мне посчастливилось очутиться в подобном волшебном местечке. Брюгге — просто невероятный город, я влюбилась в него с первого взгляда, как только увидела из окна машины озеро, мосты и ленивых лебедей, лежащих на аккуратной травке. Сначала я подумала, что это гуси. Гуси тоже хороши. Но лебеди — это, скажу я вам, абсолютно другой уровень. Смешные, жирные и неуклюжие на берегу, в воде они превращаются в концентрированную музыку, «Лакримозу» Моцарта или «Тишину» Бетховена, в общем, во что-то невероятно прекрасное и мало подходящее для серых будней.

Мне тогда было всего двенадцать, но я до сих пор помню, как забилося мое сердце при виде этой картины: озеро, окруженное каменными стенами, выгнутый дугой мостик, дома, отражающиеся в воде, небольшая полянка, несколько деревьев и посреди всего этого великолепия — полтора десятка белоснежных лебедей, чистящих перья, косолапающих и линяющих, как самые что ни на есть обычные птицы.

Брюгге просто невозможно сопротивляться. Он — словно самый симпатичный и по совместительству самый вредный мальчишка, какой обязательно найдется

в каждом классе: можно хоть тысячу лет фыркать и убеждать окружающих, что «ничего особенного в нем нет», но, если он сядет рядом с тобой на уроке, ты будешь краснеть и хихикать, как дурочка. Я не знаю, ко всем ли благосклонен этот красавчик, или мне особенно повезло, но город явно ответил мне взаимностью.

Я родилась и выросла в Брюсселе, но с того самого мгновения оставила свое сердце в Брюгге.

Мой дедушка Алекс тогда переезжал к дяде Стефану, маминому брату, и мы с мамой выбрались, чтобы навестить их и помочь с вещами. После смерти бабушки дедуле было очень одиноко и порой даже страшно одному в квартире. Какое-то время он отказывался менять место жительства, ссылаясь на то, что «старое дерево нельзя пересаживать на новое место», но его здоровье ухудшалось — то давление, то головокружение, — и мы сообща, всей семьей, сумели-таки убедить его переехать в Брюгге. «Старому дереву», вопреки всем опасениям, пришлось по вкусу новая почва. Дедуля ожил, просто расцвел — куда только девалось его давление! Он продал свою квартиру, чтобы сделать пристройку к дому дяди Стефана и иметь, как он выражался, «достаточно личного пространства». В своей пристройке он царил единолично — дядя не посягал на его свободу, радуясь, что дедушке стало лучше, и только изредка предлагал протереть пыль или вытряхнуть ковры.

Мы везли в Брюгге любимое кресло-качалку дедули и другие вещи, которые хранились у нас, пока шла стройка, и которые мама не успела «случайно» разбить или выбросить. Ей всегда досаждала дедушкина страсть к коллекционированию хлама. Кроме того, ей надоело пробираться на кухню, перелезая через тюки со старыми простынями и коробки с тарелками, подаренными лет двадцать назад и с тех пор ни разу не использованными. Она пообещала дедушке, что, как только ему что-нибудь из этого понадо-

бится, она немедленно купит ему все новое; он на этом успокоился и с тех пор ни разу о своих простынях не вспомнил. Качалки же ему однозначно не хватало, но здесь и мама не посмела бы перечить: кресло и дедушка создали необыкновенно прочный симбиоз; скорее всего, его утрата повлияла бы на здоровье старичка гораздо сильнее упомянутой «пересадки». По этой же причине мне было строжайше запрещено прикасаться к качалке, так как я с самого детства демонстрировала исключительный талант к разрушению.

Однако судьба кресла была уже предрешена, и вовсе без моего участия: как только дедушка затащил его в свою пристройку и, умиротворенный, уселся в него, полозя качалки издали подозрительный скрип и разъехались в стороны, словно ножки новорожденного олененка. Осмотр столяра (чуть не сказала «доктора») подтвердил наихудшие прогнозы: креслу давно уже место в топке. Удивительно еще, что дедушка не упал с него раньше и не покалечился.

Дедуля очень расстроился. Он был взрослым и серьезным человеком, профессором, он так и говорил: «Я ведь взрослый, серьезный человек, профессор! А расстроился словно дитя малое!» К счастью, на помощь пришел сосед дяди Стефана — Карл. Он увидел через забор, как дедушка убивается, и заглянул на огонек. Первой же фразой он навеки завоевал мамину благосклонность. Положив руку дедушке на плечо, он сказал: «Ах, сосед, как я вас понимаю! Старые привычные вещи всегда комфортнее и уютнее новых, я тоже к ним, бывает, чрезвычайно привязываюсь! Не могу предложить вам подходящее кресло, но у меня есть гамак, может, вам в нем тоже будет удобно?» Дедушка был убежден, что никакой дурацкий гамак и на секунду не утешит его после утраты кресла, но он был воспитанным человеком, и участие соседа было так ему приятно, что он, исключительно из вежливости, согласился.

С тех пор весь теплый сезон, иногда даже в самую жару на солнцепеке или, наоборот, в промозглую и ветреную погоду, дедулю Алекса можно было увидеть во дворе — в гамаке, натянутом между старой грушей и яблоней-папировкой, окруженного клубами дыма из его трубки, с кипой газет и связками писем на коленях. Заносить обратно в дом все эти газеты и письма, а также кляссеры с марками, альбомы с коллекцией винтажных открыток, ботанические атласы и географические карты всегда приходилось дяде, но он не жаловался. Дядя радовался, что дедушка не грустит, радовался, когда он проводил много времени на свежем воздухе, что, по его мнению, хотя бы отчасти компенсировало то, что дедушка дымил как паровоз. «Хорошо еще, что он курит на улице, — говорил дядя, — он ведь способен и весь дом своим табаком провонять. От этого гамака одна польза — дедушка стал лучше спать и больше кушать!»

Вообще, дядя Стефан — удивительный человек, он во всем находит что-то хорошее. Он никогда не унывает, и это неизменно меня восхищает, а порой мне становится стыдно, потому что я, откровенно говоря, по натуре отнюдь не оптимистка. Я никак не могла смириться с тем, что дедушка курит, и постоянно пыталась его переубедить, но не преуспела. Трубочный табак пахнет приятно, да и дедуля с трубкой выглядел солидно и загадочно, словно Шерлок Холмс, но порой он заходил в таких приступах кашля, что любое, даже самое близкое сходство с великим сыщиком теряло всякое очарование. Когда я обратилась к маме, надеясь, что вместе мы сможем отвадить дедулю от пагубной привычки, она только с сожалением развела руками: «Китти, дорогая, ты знаешь его всего двенадцать лет, а я — сорок. Поверь, то, что он проводит время на свежем воздухе, — уже благо!»

Гамак дедулю не подвел и прослужил ему до самой смерти. Мне тогда было восемнадцать, я только закончила сред-

нюю школу¹ и собиралась поступать в университет, чтобы стать учителем английского языка. Жаль, что дедуля этого не застал, он бы мной гордился: он всегда хотел, чтобы я пошла по его стопам и стала преподавателем. Сам Алекс был профессором истории и до смерти бабушки читал лекции в нескольких брюссельских университетах. После него мне достались пропахшие табаком ботанические атласы и альбомы с открытками. Мама с дядей оставили себе еще буквально пару дедушкиных вещей, представляющих относительную ценность, после чего Стефан продал дом соседу, который как раз намеревался расширить свой участок, и переехал к морю, в Остенде.

Мне до сих пор неясно, как можно было бросить Брюгге и переехать куда-либо, пусть даже и в соседний город к морю. Но у дяди имелись свои соображения. Соображения звали Анной, на которой дядя Стефан, закоренелый сорокавосемилетний холостяк, без малейших колебаний женился спустя два месяца знакомства и живет счастливо по сей день, посрамив все унылые статистические прогнозы касательно браков и разводов.

Вскоре после смерти бабушки грянуло новое несчастье — папа пропал. Он уехал в командировку в Финляндию и не вернулся. Мы с мамой какое-то время даже не волновались, так как он часто и подолгу ездил в командировки в финский филиал, где обучал местный персонал работе с какими-то точными приборами, и длительность командировок варьировалась в зависимости от понятливости этого самого персонала. Но через месяц папа не вернулся, не отвечал на телефонные звонки, и мы забеспокоились. Мама позвонила ему на работу и попросила назвать номер офиса в Финляндии, так как у папы явно сломался

¹ В Бельгии ученики оканчивают обучение в средней профильной школе в возрасте 18 лет, после чего могут поступать в вуз. (Здесь и далее примеч. авт., если не указано иное.)

телефон, и удивленный секретарь ей ответил, что папа уже месяц как уволился. В ходе дальнейших расспросов секретарь приходил во все большее смятение: оказалось, что у них нет и никогда не было финского филиала, что папу никогда не отправляли в командировки, однако он сам частенько договаривался об удаленной работе, ссылаясь на слабое здоровье.

Мы были в недоумении и растерянности. Не то чтобы семейная жизнь моих родителей отличалась какой-то особой гармонией, скорее даже наоборот: папа был вечно всем недоволен, по любому поводу язвил и ехидничал, чем раздражал и меня, и маму. Жить с таким желчным человеком было очень трудно, нередко случались ссоры и скандалы, но пропасть без вести — это уж слишком.

А через пару недель пришли и вести: с нами связался папин адвокат, предоставил документы на развод и требование о разделе квартиры. Сказал, что «его клиент наотрез отказывается видеться и общаться с бывшей женой, поэтому весь судебный процесс будет проводиться заочно». Стыдно признаться, но я почувствовала огромное облегчение. Нельзя так говорить о своем отце, но он был гнусным человечешкой, я не помню о нем почти ничего хорошего: сплошные придирки, претензии, недовольство, хамство и насмешки. К счастью, он редко бывал дома, так что большую часть времени я проводила в тишине и спокойствии. Я даже не сожалела о продаже квартиры — пусть подавится! — но переживала за маму. Все-таки она столько лет с ним прожила и, несмотря на ссоры, никогда не изъявляла желания расстаться.

Однако она отреагировала на удивление спокойно: без малейшего волнения подписала все бумаги и сразу позвонила брокеру с просьбой подыскать нам квартиру в аренду. Я думала, она просто пытается держать марку, чтоб не показаться передо мной слабой. Ходила за ней хвостиком

несколько дней, уговаривая поделиться со мной переживаниями, но она только отмахивалась и ссылалась на занятость. В конце концов мне удалось зажать ее в углу и принудить к вразумительному диалогу. Мама увидела в моих глазах решимость, вздохнула и сдалась:

— Солнышко, я очень не хочу тебя разочаровывать или каким-то образом ранить твои чувства, но я давно подозревала, что твой папаша завел кого-то на стороне.

— Но как же так! — вскричала я. — Это невозможно! Может, он и вправду был болен, но не говорил нам? Может, он ездил в Финляндию лечиться?

— Девочка моя, — снисходительно произнесла мама, — ты уже слишком взрослая, чтобы верить в такую чушь. Да, у него была любовница, может, именно в Финляндии — мне неизвестно. Поймать его на горячем ни разу не удалось, но ведь я тоже не дура. Не бывает так, чтобы мужчина постоянно брюзжал и ворчал, но при этом не изменял, — это, можно сказать, закон природы.

— Как же, мамочка, почему же ты тогда с ним не развелась?

— Ну, постоянно находились какие-то другие дела — то ты была маленькая, то бабушка болела, то стройка у Стефана, потом дедуля умер. Да и сам он мне особенно не досаждал: вечно был в разъездах. Ты уж прости, дорогая, но я просто счастлива, что все сложилось именно так! Денег нам с тобой хватит и на аренду, и на учебу, а все остальное теперь зависит лишь от нас самих! Только представь: мы сможем ездить куда угодно, питаться чем пожелаем — хоть одной пиццей! Я куплю нам в квартиру розовый пушистый ковер и яркие кресла-мешки, помнишь, которые нам с тобой так понравились, а папа забраковал? Будем с тобой сидеть в них вечерами, болтать и пить вино! Разгуливать по квартире в чем угодно, да хоть нагишом, и никто, ни одна зараза больше не посмеет и слова поперек сказать!

Надо признать, я ужасно обрадовалась. Не только тому, что мама была в полном порядке, но и обрисованным ею радужным перспективам. Страшно сказать: я не замечала, насколько тяжелым бременем было присутствие в семье человека с неизменно кислой физиономией, покуда он не ушел навсегда! С момента развода и продажи квартиры мы о нем больше не слышали и не имели по этому поводу ни малейших сожалений. Для нас с мамой как будто наконец-то миновала полярная ночь и выглянуло солнце. Мы устраивали круглосуточные просмотры любимых фильмов и сериалов, сидя в своих креслах-мешках, смешивали чипсы с попкорном и запивали все это колой, что раньше в нашем доме было недопустимо: папа не выносил ароматизаторов; мы могли есть в постели, и никто не ворчал по поводу крошек, могли не убираться неделями, если было лень, могли ходить целый день в пижамах или внезапно накраситься, разодеться в пух и прах и посреди ночи отправиться петь в караоке просто потому, что никто нам не указ!

Это было прекрасное, счастливое время, мы наслаждались им вволю. Но оно не длилось слишком долго, на этот раз уже по хорошей причине: мама, все еще бурно празднующая свою новоприобретенную свободу, решила исполнить свою давнюю мечту и пойти на курсы фламенко для тех, кому за сорок. Хотя ей было уже под пятьдесят, выглядела она куда моложе — ее даже иногда принимали за мою сестру. Так что совершенно неудивительно, что в нее без памяти влюбился преподаватель танцев, смуглый испанец (он бы воскликнул: «Я не испанец, я каталонец!») Паоло и принялся страстно умолять ее выйти за него замуж и уехать с ним жить в Росас.

Мама кокетничала и отпиралась, но я видела, что ей очень хочется согласиться. Уж если она была готова переехать в другую страну, о чем раньше даже и думать не же-

лала, то все остальные препятствия можно не принимать в расчет. Я видела, что она просто беспокоится из-за меня, не хочет оставлять меня одну. Учитывая, что ей столько лет довелось прожить с папой, которого очень сложно назвать милым человеком, я не имела ни морального права, ни, собственно, желания как-либо ей препятствовать и горячо убеждала ее в том, что ей нужно ехать. Конечно, мы будем скучать, но на свете существуют поезда и самолеты, а также телефон, Интернет и прочие достижения цивилизации. К тому же у меня началась учеба, а это лекции, экзамены и новые друзья, так что пора бы уже и ей пожить исключительно для себя.

Я провожала маму на самолет и старалась не плакать, чтоб она не передумала. Паоло клялся мне всем святым на свете, что не даст ее в обиду и никогда не обидит сам. Я видела, как он на нее смотрит, как с блаженной улыбкой переносит ее суматошную беготню по магазинам, как без малейшей жалобы таскает за ней чемоданы, и верила. В конце концов, мама теперь и сама себя в обиду не даст. Даже удивительно, как могло случиться, что она столько лет терпеливо переносила те издевательства, которых был полон ее брак с папой.

Стивен

После маминого отъезда какое-то время мне было очень одиноко. Столько перемен, и все сразу! Но началась учеба, и вскоре стало повеселее: появились новые подруги, каждый день читались разнообразные лекции, к тому же, как оказалось, в университетах можно встретить интересных парней — кто бы мог подумать? Ребята в школе не слишком-то обращали на меня внимание, поддразнивали, считали зубрилой и занудой. А вот студенты то ли еще не успели узнать меня получше, то ли вообще не находили мою начитанность отталкивающей. Меня то и дело звали на вечеринки или прогулки, и я иногда даже снисходила до того, чтобы ответить согласием.

Как раз на одной из таких вечеринок я встретила Стивена. Он стоял у открытого окна, слегка опираясь о подоконник. Прохладный вечерний воздух, заходя с улицы, колыхал легкие полупрозрачные занавески и ерошил Стивену волосы. Он был хорош, ох как он был хорош! Даже преподавательницы считали его самым привлекательным студентом в университете. Стивен был высок, отлично сложен, с прозрачными голубыми глазами, густыми каштановыми волосами, которые он то и дело отбрасывал со лба изящным жестом. К тому же он был одет в черные джинсы и белоснежную рубашку с подвернутыми рукавами, выставлявшими его крепкие руки и красивые кисти на всеобщее обозрение. Прямо-таки воплощение девичьих грез! Я понимала, что это показуха, осознавала это

даже в момент первой встречи, но показуха хорошо сработанная, качественная, за нее не было стыдно.

Естественно, я сразу же им заинтересовалась. К тому же мне представилась возможность немного пообщаться с ним на вечеринке — он вел себя чрезвычайно дружелюбно и вежливо, не приставал, не хорохорился, а внимательно меня слушал и сам охотно рассказывал о себе.

Стивен оказался очень амбициозным молодым человеком, планировал по окончании университета открыть свое дело, а пока развивал соответствующие навыки: учился на управляющего гостиничным и ресторанным бизнесом, параллельно посещал разнообразные тренинги и семинары по мотивации и постановке целей. Он рассказывал мне о том, как пришел к решению заниматься бизнесом, какие у него есть идеи и что он намерен изменить в упомянутых сферах. Я была поражена, очарована и полностью покорена! Трудно было и представить, что за удивительный парень этот Стивен: такой смелый, такой целеустремленный, и при этом он общался со мной открыто, ни от кого не прячась и, кажется, даже с удовольствием! Только в своих детских мечтах я могла представить себя рядом с кем-то настолько великолепным!

Но нет-нет, я, конечно же, не позволяла себе увлечься необоснованными надеждами. Пусть я вовсе не дурочка и очень даже симпатичная, но в университете были девушки и покрасивее, и, чего уж там, поумнее. Поэтому я настраивалась на то, что могу рассчитывать только на его дружбу. Впрочем, перспектива дружбы со Стивеном тоже меня необыкновенно вдохновляла. В конце вечера он провел меня домой и дал на прощание почитать свою любимую книгу о том, как научиться общаться с разными людьми и нравиться им.

Я прочла эту книгу в тот же вечер. Потом сидела, плакала и молилась, чтобы мне ни в коем случае в этого парня

не влюбиться, потому что иначе я пропала. Нельзя было и надеяться на то, что он как-то по-особенному заинтересовался мной: к нему на протяжении нашей беседы время от времени подходили другие ребята и даже девушки, и со всеми он вел себя одинаково приветливо и дружелюбно.

Убедив себя в том, что, как бы ни нравился мне Стивен, можно просто радоваться знакомству со столь уникальной личностью, я решила сразу воспользоваться советом из прочитанной книги, а именно — честно и открыто выразить свое восхищение. Книга гласила, что это ни к коем случае меня не скомпрометирует, даже наоборот, ведь только достойные и уверенные в себе люди способны прямо говорить окружающим о своем уважении.

Поскольку подобное признание, вздумай я высказать его Стивену лично, вовсе не прозвучало бы в моих устах достойно и уверенно, я остановила свой выбор на записке. На небольшой открытке я написала о своих чувствах таким образом, который казался мне безопасным: что беседа с ним меня очень вдохновила, что я уверена в его успехе и желаю ему всего самого лучшего. Сообщение получилось очень дружественным и относительно нейтральным, так что, если бы это послание вдруг попало в руки постороннему, мне было бы нечего стыдиться. Открытку я вложила между страниц, рассчитывая, что Стивен обнаружит ее когда-нибудь потом.

На следующий день я подкараулила его в университете, отдала книгу и вежливо поблагодарила. Он похвалил меня за тягу к знаниям и пригласил присесть рядом с ним на лавочку в парке, поделиться впечатлениями. Пока я заливалась там соловушкой, описывая свои восторги — по поводу книги, конечно же, — Стивен, прикрыв глаза, одобрительно кивал, будто какой-то знаменитый профессор, принимающий зачет. Судя по всему, зачет я сдала, однако дальше дело не пошло. Красавчик по-прежнему без стес-

нения здоровался со мной при встрече, весело бросал очередное «Как дела?», а затем, окруженный стайкой девушек, как апельсиновая долька осами, уплывал сиять в какую-нибудь другую галактику.

Я вздохнула, но смирилась. Мне ведь и так было известно, что это безнадежно. Я только порадовалась своей предусмотрительности, тому, что заранее настроила себя исключительно на дружбу и тем сумела защититься от разочарований. Жизнь шла своим чередом. Только вот поклонники отныне немного поблекли в моих глазах. Вроде бы умные и добрые парни, но не хватало им размаха, полета души, настроя, так сказать. Слишком уж они были осторожны в своих прогнозах на будущее, мало верили в свои силы, казались какими-то приземленными. Спрашиваешь у них о мечтах, а они и думать не смеют ни об огромных особняках, ни о собственных конюшнях с охотничьими соколами, ни о роскошных автомобилях: «Ну, если после учебы удастся попасть на практику туда, куда я хочу, то лет через десять упорного труда, думаю, смогу приобрести собственное жилье», «Для начала хочу выплатить кредит за учебу», «Сейчас подрабатываю, в конце года сдам на права и куплю подержанную машину». Стивен же по сравнению с ними был львом среди стада блеющих овец.

Он говорил: нужно мечтать по-крупному, мечты сбываются! Нужно дерзко заявлять Вселенной о своих желаниях, и она тебе покорится! Нужно мыслить позитивно!

Я раньше никогда об этом не думала, но, когда услышала слова Стивена, поняла, что он прав. Ведь таким и должен быть мужчина, разве нет? Рваться в бой, достигать вершин, покорять и завоевывать на всяческих поприщах. Но ничего подобного в своих собеседниках я не находила. Они все называли себя «реалистами», но мне казались людьми, заранее сложившими руки. Один даже сказал мне

вообще неслыханную вещь: «Пока у меня нет семьи, мне достаточно маленькой квартирki или даже студии, которую можно снимать вдвоем с приятелем. Я лучше положу лишние деньги в банк под проценты». С этими ребятами все сразу было ясно: не тот у них уровень мышления, ох не тот! Я, конечно, понимала, что вряд ли существует второй такой парень, как Стивен, и тем более вряд ли я ему приглянусь, но и соглашаться на что угодно ввиду отсутствия вариантов мне не улыбалось.

Самым адекватным из всех «вариантов» казался Грег. Грег был очень умным и серьезным парнем, я ему нравилась и, возможно, даже ответила бы ему взаимностью, если б он внезапно сам все не испортил. Он сказал:

— Китти, а зачем тебе все эти огромные дома, лошади и парк автомобилей? Ты действительно всего этого хочешь или просто такова сложившаяся картина успеха?

Я начала бормотать что-то о масштабности целей и тому подобном, но Грег только усмехнулся и спросил в лоб:

— Это ты наслушалась сказочек Стивена? Узнаю его стиль. Китти, твой ненаглядный Роттен — просто лентяй и балабол, прости за прямоту. И бабник к тому же. Я знаю, он нравится девушкам, потому что ему повезло родиться со смазливой мордахой, но среди парней своего возраста он уважением не пользуется. На старших курсах только представители золотой молодежи нигде не подрабатывают, остальным стыдно просить у родителей денег, чтоб сводить девушку в кино. Все понимают, что нужно с чего-то начинать, и не считают унижительной непримечательную должность бармена или официанта. Сара — вообще легенда нашего курса, за год из ресепционистки превратилась в младшего администратора отеля. Девочка работала на износ, в ночные смены, ее даже преподаватели старались пожалеть и порой прикрывали ее прогулы. Вот это, я понимаю, целеустремленность! А Стивен только тре-

паться горазд, да и то лишь перед молоденькими девчонками вроде тебя — еще раз прошу прощения.

Я попыталась встать на защиту своего фаворита:

— Но ведь Стивен не сидит на месте! Он исследует сферу, анализирует, разрабатывает план.

— Китти, до чего же ты наивна! — фыркнул Грег. — Черт, ты классная девчонка, и меня прямо досада берет, что ты поддаешься на всю эту красочную муть! Роттен корчит деятеля перед своими родителями, которые помешаны на амбициях. Отец его со свету сживет, если Стив решит ограничиться востребованной, но отнюдь не фешенебельной профессией продавца мороженого! Хотя поверь мне, Китти, это именно то, что ему по плечу! На большее он не способен!

Я не могла стерпеть подобных унижительных слов в адрес Стивена. Нет-нет, я, конечно, не влюбилась в него, но все-таки я тоже не ребенок и уже немножко в людях разбираюсь! Грег просто завидует. Ну, и ревнует. Это было очень приятно, так что я не стала с ним ссориться, а просто ответила, что он серьезно заблуждается, и ушла. Грег смотрел мне вслед и с сожалением качал головой.

Я сидела дома на подоконнике и в унынии смотрела на улицу. Наверное, не пришло еще время встретить прекрасного принца. Но вдруг, как в сказке, зазвонил телефон. На другом конце провода (а скорее, сигнала спутника) оказался мой принц. Стивен явно был в прекрасном настроении. Он нашел мою открытку и, естественно, был весьма польщен. Пригласил меня на свидание. Я поверить не могла своему счастью: по Стивену сохла почти вся женская половина нашего вуза, поэтому то, что среди всего обольстительного разнообразия ему понравилась именно я, казалось мне небывалой удачей. Не все эти красотки с идеальными локонами, наращенными ресницами и ногами от ушей будут ходить с ним в кино и на прогулки, а я, только я!

Стивен рассказывал о своей жизни, а я слушала, раскрыв рот. Мне так хотелось разделить его мечты, помочь ему! Сама я особыми амбициями не отличалась, просто хотела быть счастливой. И вот я обрела счастье со Стивеном и желала, в свою очередь, поспособствовать осуществлению его мечтаний.

Слова Грега, однако, прочно засели у меня в голове, хотя я упорно старалась от них избавиться. Иногда мне даже начинало казаться, что Грег, возможно, самую чуточку прав, но я любила Стивена и решила, что буду поддерживать его во всем. Я устроилась на работу на полставки, чтобы иметь возможность посещать вместе с ним все эти мотивирующие тренинги. Вообще-то я жила на те деньги, которые присылала мне мама. Тренинги стали бы серьезным ударом по бюджету, а позволить, чтобы за меня платил Стивен, я не могла: не хватало еще, чтоб он счел меня корыстной стервой.

Я старалась ничего от него не требовать, наоборот, всеми силами пыталась показать, что он нужен мне сам по себе, что его амбиции меня восхищают в личном плане, а не как шанс приобщиться к его будущему успеху. Грег не перестал хорошо ко мне относиться и, если встречал меня где-нибудь в университете и рядом не было Стивена (а пару раз и при самом Стивене), просил меня быть поосторожнее и оценивать людей по их поступкам, а не по словам.

Трудно было оценивать Стивена по поступкам, потому как меня совершенно ослепила любовь. Меня бросало с вершин счастья в пучину отчаяния, иногда даже несколько раз в день. Порой не верилось, что Стивен действительно хочет быть со мной, что я ему действительно нравлюсь, и я начинала грустить. Но, судя по всему, я все-таки была ему небезразлична, поскольку через год он сделал мне предложение. Несмотря на то что мы уже долго встречались, я была необыкновенно удивлена. Стивен, правда, предупредил, что мы сможем

пожениться не раньше, чем он закончит учебу, то есть еще через год, но это были уже частности.

Он любил меня! Он хотел на мне жениться! Он хотел прожить со мной всю жизнь! Первые месяцы после помолвки я ходила ошеломленная. Я не слышала ни поздравлений, ни радостных (или завистливых) возгласов подружек, постоянно пребывая в каком-то блаженном полусне. Мама тоже очень радовалась. Я звонила ей по вечерам, когда они с Паоло уже возвращались со своих танцев или посиделок у друзей, и взхлеб рассказывала о своем счастье.

Свадьбу мы пока не начали планировать, даже дату не назначили, так как Стивен готовил свою дипломную научную работу и был чрезвычайно занят. Мы редко виделись, и мне было трудно и одиноко. Стивен же пропадал в постоянных разъездах — ему нужно было посетить множество отельных комплексов, чтоб получше изучить тему и заодно найти себе место для стажировки. Меня это порядком пугало, я опасалась повторить печальный мамин опыт. Но тут все выглядело иначе: Стивен вовсе не стал ко мне придирааться, наоборот, во время наших редких встреч он говорил, что только в моей компании чувствует себя расслабленно и умиротворенно, может быть собой и ему ничего и никому не нужно доказывать. В последнее время он очень уставал, даже стал менее разговорчивым. Он просил меня рассказывать что-нибудь, что угодно, но не расспрашивать его ни о чем, позволить ему просто отдохнуть и послушать. Я старалась поддерживать его и не докучать своими глупыми страхами.

А потом он со мной порвал. Совершенно неожиданно и непредсказуемо. Как говорится, ничто не предвещало беды. Просто однажды Стивен пришел и сказал, что ему предложили стажировку в одном роскошном отельном комплексе в Париже и от такой возможности нельзя отказываться. Сказал, что сейчас самое время заняться карьерой. Сказал, что мы еще молоды и все у нас впереди, и подмигнул. И еще

добавил: он чувствует, что еще не созрел для семьи. В общем, спрыгнул.

Меня как будто асфальтоукладчиком переехали. Если раньше я звонила маме и часами щебетала, рассказывая ей о своем безграничном счастье, то теперь я рыдала до икоты и жаловалась, как я разбита и растоптана. Мама рыдала вместе со мной и настойчиво звала к себе. Но возможность плакать у мамы на плече не казалась мне панацеей, и я отговаривалась учебой и работой. К тому же, если честно, у меня оставалась слабенькая надежда на то, что Стивен просто устал и испугался. Ведь все мужчины нервничают перед свадьбой! Он же прекрасно ко мне относился, не мог ведь он так внезапно перемениться! Он обязательно поймет, что именно я способна поддержать его во всех начинаниях, обеспечить ему дома уют и спокойствие, которые обновят его силы!

Было очень трудно учиться и работать. Трудно было видеть сочувственные (и не очень) взгляды одноклассников. Грег смотрел на меня издали с грустью, но я его избегала — сейчас он был мне противен, мне все были противны. Я не могла простить Грега за то, что он оказался прав.

Я нередко сбегала с лекций и пряталась в туалете, потому что уже не могла сдерживать слезы. Повезло, что хотя бы на работе меня временно переместили в серверную, так как в моем кабинете был ремонт, и теперь я сидела одна. Я переводила деловые письма и всяческие документы компании и временами устраивала перерыв, чтобы всласть порыдаться. Как-то в серверную неожиданно зашел начальник и увидел бесподобную картину: я быстро стучала по клавишам, вслух проговаривая набираемый текст письма партнерам, и одновременно редела и икала. Начальник был мужчина солидный, давно в браке, имел двух взрослых дочерей, но к женским истерикам относился с суеверным ужасом. Он не рискнул спросить у меня, что проис-

ходит, но, видимо, все-таки предпринял какие-то попытки повлиять на мое настроение при помощи смены обстановки. Начальник предложил мне отправиться на пару дней в командировку в Марсель — решить от его имени кое-какие вопросы с поставщиками.

Поездка действительно вдохнула в меня новые силы. Я даже воспрянула духом. Радостно было делать что-то важное, решать какие-то проблемы, хотя я работала всего лишь на секретарской должности, да еще и на полставки. Начальник, слушая по телефону мой бодрый голос, был доволен моими рабочими успехами, и это вдохновляло дополнительно. А погуляв немного по Марселю в свободное время и полюбовавшись морем и бесконечной вереницей кораблей всех видов, расцветок и назначений, я немного успокоилась. В конце концов, мы действительно еще молоды, пройдет он свою практику и вернется, никуда не денется.

А буквально чуть позже в тот же день я наткнулась на него прямо посреди Марсея. Впервые за два месяца после нашего разрыва. Он как раз выходил из кафедрального собора. Под руку со своей новоиспеченной женой. Наверное, за эти восемь недель он дозрел до нужной кондиции.

Я попыталась улизнуть незамеченной, но гости стояли плотными рядами, и я встретилась с ним взглядом. Далее я мало что помню. Помню, что зачем-то пожимала его руку в белой перчатке и беспомощно мямлила: «Рада. Очень рада!» Мне еще никогда не было так стыдно. Казалось, воздух вокруг должен воспламениться от моих пылающих щек. Как ни старалась я убедить себя, что это ему должно быть стыдно, это ведь он оказался подлецом и обманщиком, — стыдно все равно было именно мне.

Я вернулась в Брюссель, без объяснений уволилась из своей конторы, заперлась дома и погрузилась в глубочайший

ступор. Я не реагировала на звонки, на шум на улице, на смену дня и ночи. В голове пульсировала только одна мысль: «Почему? Почему это произошло именно со мной? За что?»

В книгах, когда с девушками происходит что-то подобное, они имеют обыкновение поедать столовой ложкой мороженое, распивать вино в неположенное время и закусывать все это поджаристыми куриными крылышками. Для меня это был бы более щадящий вариант. Но когда я страдаю, у меня напрочь пропадает аппетит. Через месяц (два, три? — понятия не имею), который я прожила в основном на сухих анчоусах, апельсиновом соке и слезах с редкими микродозами колбасы, меня поймала в магазине бывшая сотрудница и буквально силой отволокла к врачу. Но в этом совершенно не было необходимости. Я не питала абсолютно никаких иллюзий касательно моего состояния. Да, я отошала. Да, у меня нервный срыв, депрессия и еще что-нибудь. Что ж тут странного? Странно было бы, если бы я цвела и пахла. Я пыталась просто продолжать дышать, просто продержаться какое-то время до тех пор, пока не станет полегче.

Доктор говорила много, заумно и скучно и в итоге записала меня в группу каких-то там анонимных деятельных победителей или победоносных деятелей: я ее не слушала. Главное, посещать эти собрания нужно было дважды в неделю. Она все убеждала меня в том, как это важно, что я должна отнестись к своему состоянию серьезно и ответственно, что эта терапия вернет меня к полноценной жизни и тому подобное. Я исправно кивала и поддакивала для виду, но, откровенно говоря, и сама уже поняла, что нужно срочно что-то менять.

Нужно сбежать туда, где никакие непрошеные доброжелатели не будут мешать мне гробить себя дальше. Поэтому я переехала в Брюгге.

Брюгге. Воссоединение

Этот город невозможно забыть. Он навсегда отпечатался в моем сердце, как место, где чудеса случаются буквально на каждом шагу. Казалось, его и строили с таким расчетом, что однажды некая сломленная и раненая Китти вернется сюда, чтобы обрести в своих горестях покой. Огромное преимущество Брюгге состояло в том, что я знала его достаточно хорошо, в то же время оставаясь достаточно неизвестной его жителям. Совершенно не хотелось выслушивать всякие неуклюжие утешения вроде: «Ты еще так молода, все наладится», «Время лечит» и «Все будет хорошо, вот увидишь».

Мне был всего двадцать один год, и моя песенка была спета. Самый прекрасный, самый желанный, самый любимый мужчина на земле не просто ушел от меня, а предпочел мне другую. Я бросила учебу, ибо зачем она нужна, если жизнь не имеет смысла? Чему я буду учить детишек в школе? «Когда-нибудь вы вырастаете, полюбите какого-нибудь человека, будете готовы разделить с ним печаль и радость, здоровье и болезнь, а потом он разобьет ваше сердце и даже не объяснит, за что именно».

Я настроилась на то, что я здесь тихонько зачахну и умру. Все равно я больше никогда и никого не полюблю, а жить без любви мне вообще было неинтересно. Утешало то, что мама была пристроена: Паоло о ней позаботится. Поэтому я, как больная на терминальной стадии, просто отказалась от лечения и приехала в любимый город,

чтобы вкусить последних радостей этого мира, насладиться хоть чем-нибудь, что еще не утратило своей прелести.

Я очень ответственно отнеслась к процессу умирания. Старалась не отвлекаться от мыслей о своей загубленной молодости и печальной судьбе. «Такая юная, такая прекрасная! — скажут обо мне в надгробной речи. — Жизнь была к ней жестока! Ах, кто же этот мерзавец, который своей жестокой рукой сорвал эту цветущую розу?» А я, вся бледная, холодная, безмолвная, лежу в гробу в белом платье невесты, которое мне так и не суждено было надеть. Мои ножки в легких туфельках никогда не будут танцевать свадебный вальс. На моем лице — выражение безропотного страдания. Все рыдают. Стивен присутствует на похоронах и, не в силах вынести осознания того, *кого именно* он отверг, молча уходит в закат.

Я надеялась, что смогу беспрепятственно изводить себя здесь, однако этот план дал ощутимую трещину. Не желая впустую переводить мамины деньги, я выбрала самую унылую и дешевую квартирку. Тем не менее старинное здание с высокими потолками и наполовину облупившейся лепниной на стенах почему-то не способствовало болезненной хандре. Из окна виднелась противоположная стена дома, увитая диким виноградом, а во дворике рос миндаль. Я чувствовала себя Кентервильским привидением, громыхающим кофейником и табуретками в своей одинокой башенке, и это, скажу я вам, было невероятно круто. Каким-то образом я перескочила стадию умирания и сразу приступила к посмертному существованию. Мне понравилось. Я так вжилась в эту роль, что потихоньку стала выходить на улицу, в основном по ночам. Мне не спалось, я вставала с постели и, как была — нечесаная и в пижаме, — накинув сверху только серое драповое пальто для хоть какого-то приличия, выходила бродить по узким улочкам Брюгге. Никто, совсем никто не обращал на ме-

ня внимания — в городе достаточно много приезжих, среди них встречались и весьма эксцентричные персоны. Равнодушные жителей Брюгге завораживало и успокаивало одновременно. Наконец-то окружающим было наплевать на подробности моего личного конца света.

Затем вопреки всем своим планам я переключила внимание со своих душевных ран на красоту окружающего города. Брюгге как будто разговаривал со мной. «Смотри, какие у меня ровные мощеные улочки! Смотри, а за этой узкой арочкой скрывается лучший бар в городе! Смотри, если влезть на этот поручень, ты увидишь зимний сад на балконе бывшего отеля. Здесь растут лимоны и красные перчики в кадках. Здорово, правда? Скажи, ведь я хорош, я ведь хорош?» Я смотрела и соглашалась. Никто не был так хорош, как Брюгге. Даже мой великолепный бывший, неотразимый и обворожительный Стивен не шел с ним ни в какое сравнение. Брюгге куда больше походил на человека, чем некоторые хомо сапиенсы.

Я сидела на ограде моста, глядя на отражающийся в воде свет окон. За окнами жили люди. Тысячи и тысячи маленьких персональных вселенных. Люди ели бублики с ветчиной и сыром, пили красное вино и ромашковый чай. И каждый из этих человечков думал, что его проблемы — самые значимые, его боль — самая невыносимая, на его жизни зиждется мир. Прямо как я.

Я беззвучно проплывала под окнами спящих домов, прислушивалась к запоздалым ночным звукам, эхом раздающимся по всему кварталу. Встречала рассвет, глядя на то, как над водой закручивается пар, колышется, стекает к центру озера и столпом уходит вверх. Можно было наклониться и зачерпнуть кудрявую дымку ладонью. Первые робкие лучи солнца пробивались сквозь просвет между домами. Они подсвечивали мою беспорядочную копну волос, как будто вплетая в отдельные локоны тонкие

медные проволочки. Пробираясь в мои глаза, солнце окрашивало радужки в бирюзовый цвет. Я плакала от счастья и признавалась Брюгге в любви. Он отвечал взаимностью. А потом я жутко проголодалась.

Светало. Я понятия не имела, где можно найти работающее заведение, хотя вроде бы обошла город вдоль и поперек; наверное, просто не обращала внимания. Знакомый круглосуточный мини-маркет находился на другом конце города, а организм требовал всех недополученных за время страданий калорий. Помаявшись, я уж было решила все-таки пойти проторенным путем, как вдруг увидела свет, льющийся из кухни кафе-пекарни в полуподвальном этаже какого-то старинного пансионата. На кухне суетилась молодая девушка с роскошными каштановыми волосами. Волосы были убраны в косу, кое-как зачесанную набок. С другой стороны выбивалась пара прядей, и девушка то и дело нетерпеливо заправляла их за ухо рукой, испачканной в липком тесте. Зрелище было настолько уютным и успокаивающим, что я все ближе тянулась к окну, как будто пытаюсь согреться ее неутомимой энергией.

Вдруг девушка заметила меня. Вздрогнула. Потом моргнула, приветливо махнула рукой и, раскрыв пошире окно, высунулась наружу.

— Доброе утро! — радостно воскликнула она.

Я растерянно оглянулась по сторонам. Действительно, пожалуй, уже утро.

— Ээээм... доброе... — Я замешкалась, размышляя, как бы объяснить тот факт, что я выгляжу как сумасшедшая и подглядываю за незнакомым человеком. — Подскажите, пожалуйста, в котором часу вы открываетесь?

— Ну, выпечку я начинаю продавать с семи, а вот кафе открываю только в восемь... — извиняющимся тоном

произнесла девушка. Потом внимательно посмотрела на меня и вдруг лучезарно улыбнулась: — Но для вас можно и сейчас! — Она выбежала из кухни, открыла мне дверь кафе и пригласила внутрь, затем аккуратно заперла ее за мной. — Просто неудобно одновременно печь и обслуживать посетителей, — пояснила она.

Я кивнула, чувствуя себя не в своей тарелке. Оглядела кафе. Вроде бы ничего особенного, и в то же время абсолютно все было особенным: круглые белые столики на одной ножке, подушечки из клетчатой ткани на стульях, в основном бело-салатные и бело-розовые, маленькие молочники из толстого фарфора, приспособленные под вазочки, со слегка увядшими соцветными розами, ажурные бумажные салфетки. Стены, окрашенные в фисташковый цвет, большие витрины для выпечки. Я села за дальний столик у окна, неуверенно расправила на коленях пижамные брюки и постаралась прикрыть несерьезный узор из уточек полами пальто.

— Чего изволите? — приветливо спросила хозяйка заведения.

— Ну-у... э-э-э... а что у вас есть?

— Резонный вопрос, — рассмеялась девушка. — В такое время мало что есть, но кофе я вам точно сделаю.

— Тогда капучино, пожалуйста, — решила я, — и, наверное, что-нибудь из съестного.

— Остался вчерашний хлеб, сыровяленое мясо и помидоры, сойдет? Свежая выпечка поспеет минут через сорок... — с сожалением призналась она.

— Нет, что вы, это как раз подходит, — поспешно согласилась я и, подумав, добавила: — Вот разве что еще какого-нибудь сыра... дорблю, что ли?

— Ах да, имеется такой! — просияла девушка и, глядя на мое изможденное лицо, участливо поинтересовалась: — Что, трудная ночька выдалась?

— Скорее последние несколько месяцев... — Я криво ухмыльнулась. — Но, кажется, у меня только что началась белая полоса в жизни!

— О-о-о, тогда это непременно следует отпраздновать! — воскликнула хозяйка и умчалась на кухню.

Через пару минут она вернулась с плетеным подносом, на котором лежал нарезанный крупными ломтями ароматный хлеб с поджаристыми семечками, тонюсенькие полупрозрачные ленты хамона, кружочки помидора и кубики дорблю. Она поставила все это геометрическое разнообразие на стол, а еще через мгновение принесла два бокала искрящегося «Фраголино» и один протянула мне.

— За счет заведения! — Она подняла бокал и торжественно произнесла: — За новую жизнь!

Сложно было с ней спорить. Я осушила свой бокал до дна и принялась за первый за долгое время завтрак.

Так я познакомилась с Оливией.

А через пару часов в кафе за свежим хлебом заскочил Карл. Узнав меня, сытую, разомлевшую и прикорнувшую в уголке, он невероятно обрадовался, когда выяснил, что я теперь живу в Брюгге, и предложил работать у него.

Роман с книгами

На данный момент я вот уже шесть лет работаю у Карла в его книжном магазине. Здесь сухо, немного пыльно и постоянно царит полумрак, который старинные мутные люстры под потолком разогнать не в состоянии. Потертые сосновые доски пола скрипят под ногами, а отполированные годами и тысячами прикосновений деревянные перила лестницы, наоборот, почему-то выглядят как новые. Я одна из тех счастливых людей, которым для того, чтобы попасть на работу, нужно всего лишь спуститься по ступенькам: за дальними стеллажами на втором этаже прячется дверца в небольшую квартиру.

Квартирка не отличается особыми удобствами, но в ней есть все, что может понадобиться относительно юной и сравнительно неприхотливой особе вроде меня: крохотная спальня, которую почти полностью занимает большая кровать на низких ножках, несколько плетеных корзин для одежды (потому что шкаф — это для слабаков), большое зеркало, прислоненное прямо к стене, прикроватная тумбочка с неизменной стопкой книг и поигрывающий на полу, в котором за все время его существования вертится один-единственный диск с подборкой заводной попсы. Дальше идет кухня с плитой и шкафчиками для посуды, «общительным» (то есть громко жужжащим, булькающим и ворчащим, словно вредный старикашка) холодильником и большим столом в центре, который абсолютно здесь не нужен и занимает слишком много места,

но прекрасно смотрится в сочетании с высокими барными табуретами. Затем — совмещенный санузел с продолговатым окошком под самым потолком, милой металлической эмалированной раковиной с синим орнаментом по краям и старинной маленькой бронзовой ванной. За последнюю я готова простить квартирке все остальные неудобства, даже крохотные размеры самой ванны: в нее удастся погрузиться, только свернувшись клубочком, но зато, если добавить морской соли, пены и немного розовых лепестков, можно окунуться в роскошь девятнадцатого века.

Так вот, квартирка и магазин шли в комплекте. Когда-то вместо книжного здесь была швейная мастерская, и ее владелец чрезвычайно беспокоился за сохранность своих тканей и готовых заказов, поэтому не хотел оставлять ее без присмотра ни на минуту. Потом он с детьми и внуками переехал куда-то в Северную Америку — то ли в Канаду, то ли в Канзас, что-то на К, а мастерскую продал за сущие гроши местному «состоятельному безумцу», по его словам. То есть Карлу. Карл каждый раз рассказывает эту историю с довольной улыбкой и с какой-то необъяснимой гордостью вспоминает столь лестную характеристику. Когда бывший хозяин узнал, что он хочет устроить здесь библиотеку, то был весьма обескуражен. Сознание опытного дельца отторгало мысль о том, что на свете бывают богатые люди, которым нравится развезжать по всей Европе, скупать на барахолках старые книги, приводить их в порядок и за копейки перепродавать. Но Карл не нуждается в том, чтоб зарабатывать себе на пропитание, он просто любит книги, любит их запах и шорох страниц, да и вполне может позволить себе подобное оригинальное хобби. Так же как и подобрать в каком-то кафе старую знакомую и сразу пристроить ее на непыльную (хотя, если в буквальном смысле, то довольно-таки пыльную) рабо-

Літературно-художнє видання

ЗАРЕМБА Олена

Кітті. Слідуй за серцем

Роман

(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактор *А. О. Колюбакина*
Художній редактор *Ю. О. Дзекунова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *О. Є. Шишацький*

Підписано до друку 04.12.2017. Формат 84x108/32.
Друк офсетний. Гарнітура «Minion Pro».
Ум. друк. арк. 12,6. Наклад 5000 пр. Зам. № .

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у ПрАТ «Білоцерківська книжкова фабрика»
09117, м. Біла Церква, вул. Леся Курбаса, 4
впроваджена система управління якістю
згідно з міжнародним стандартом DIN EN ISO 9001:2000

Литературно-художественное издание

ЗАРЕМБА Елена

Китти. Следуй за сердцем
Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Редактор *А. А. Колобакина*
Художественный редактор *Ю. А. Дзекунова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *А. Е. Шишацкий*

Подписано в печать 04.12.2017. Формат 84x108/32.
Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».
Усл. печ. л. 12,6. Тираж 5000 экз. Зак. № .

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано в ЧАО «Белоцерковская книжная фабрика»
09117, г. Белая Церковь, ул. Леся Курбаса, 4
внедрена система управления качеством
согласно международному стандарту DIN EN ISO 9001:2000

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

Одесса

тел./факс +38(067)572-44-28
e-mail: odessa@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Юна Кітті змалечку вірила, що одного разу до неї приїде прекрасний принц на білому коні. Саме тому вона до безтями закохується в красунчика Стівена Роттена. Та Стівен раптово зникає, а незабаром Кітті дізнається, що він взяв іншу за дружину. Аби загоїти рани, дівчина вирішує переїхати з рідного Брюсселя до Брюгге. Тут вона розпочинає нове життя, знаходить роботу. Проте несподівано в її світ вривається молодий доктор Каспер. Дівчина уникає його, запевняючи себе, що байдужа до нього. Тієї ж миті, коли дівчина усвідомлює, що закохана, Каспер зникає... Довірившись поклику свого серця, дівчина вирушає у подорож.

Заремба Е.

3-34 Кітті. Следуй за серцем / Елена Заремба.— Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2018. — 240 с.

ISBN 978-617-12-4319-4

Юная Китти с детства верила, что однажды за ней приедет прекрасный принц на белом коне. Именно поэтому она безоглядно влюбляется в красавчика Стивена Роттена. Но Стивен внезапно исчезает, а после Китти узнает, что он женился на другой. Чтобы залечить раны, девушка решает переехать из родного Брюсселя в Брюгге. Здесь она начинает новую жизнь, находит работу. Но неожиданно в ее мир врывается молодой доктор Каспер. Девушка избегает его, убеждая себя в том, что он ей безразличен. А в тот момент, когда осознает, что влюблена, Каспер исчезает... Следуя своему сердцу, девушка отправляется в путешествие.

УДК 821.161.1
ББК 84(4Укр=Рос)